

Серия «Бессмертный полк»

АЛЕКСАНДР ЩЕРБАКОВ-ИЖЕВСКИЙ

ДИВИЗИОННЫЙ
МЕДСАНБАТ
БЕЗ ПРИКРАС

Александр Щербаков-Ижевский

**Дивизионный медсанбат
без прикрас. Серия
«Бессмертный полк»**

«Издательские решения»

Щербаков-Ижевский А.

Дивизионный медсанбат без прикрас. Серия «Бессмертный полк» /
А. Щербаков-Ижевский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839814-8

Поверх операционных столов кровь даже не смахивали, не успевали. Наркоз был эфирный. Новокаина не было, а морфий заканчивался. Когда вживую вырезали нутро или ножовкой отпиливали ногу, раненный орал что есть силы благим матом. Если на плаву оставался после болевого шока. Рентген отсутствовал. Чтобы найти в теле осколок надо было шарить в живом теле зондом или пинцетом. Можно было и просто руками. В воздухе витал тошнотворный, тяжёлый дух крови. Если не зима, зловоние стояло невыносимое...

ISBN 978-5-44-839814-8

© Щербаков-Ижевский А.
© Издательские решения

Содержание

Твёрдость духа и негибаемая отвага бесстрашного поколения	6
Эскулапы и отсев стоящих одной ногой в могиле	6
Нечто обыденно-ужасное с окрасом фронтового аффекта	13
Трагедия, кошмар и ужас фронтовой повседневности	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Дивизионный медсанбат без прикрас Серия «Бессмертный полк»

Александр Щербаков-Ижевский

*Светлой памяти моего отца Ивана Петровича Щербакова
(28.10.23—10.06.64) посвящаю...*

*Вечный ореол бессмертия и лавры победителей героям Великой
Отечественной войны!*

Северо-Западный фронт.

В Новгородских болотах.

Старая Русса-Демянск-Рамушево.

1942—1943 гг.

Дизайнер обложки Александр Иванович Щербаков

Редактор Анна Леонидовна Павлова

Корректор Игорь Иванович Рысаев

© Александр Щербаков-Ижевский, 2017

© Александр Иванович Щербаков, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-9814-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Твёрдость духа и несгибаемая отвага бесстрашного поколения

Эскулапы и отсев стоящих одной ногой в могиле

Убитых по-быстрому хоронили в братских могилах. Выкопанные ямы, особенно после дождей, сразу заливало водой. Поэтому трупы складывали прямо в болотную взвесь. Как правило, места захоронений были неглубокими. После жестокого боя мертвецов было тысячи и тысячи.

Воняющие тлетворным гниющим белком заливные луга с братскими могилами бойцы обходили стороной. Удушливый плотный смрад зловонного трупного запаха пеленой висел в воздухе.

Раненых было великое множество. После боя неисчислимые потоки покалеченных солдат встречали в медсанбате и сразу сортировали. Кто безнадежный туда. Кого еще можно подлечить сюда.

Тому, на кого еще была надежда, что выздоровеет, ставили укол морфия и противостолбнячной сыворотки. А кто был явно безнадежный, отправляли умирать на край поляны.

Ну, в смысле в сторону свежей ямы для братского погребения.

На войне не до клятвы Гиппократ. При дефиците лекарств чего было понапрасну тратить? Ну, вы же сами понимаете.

Поверх операционных столов кровь даже не смахивали, не успевали. Алая лужа с ладшку толщиной сама скатывалась со стола в большую кастрюлю прямо под ноги хирургов.

Врачи и медсёстры в окровавленных и грязных то ли халатах, то ли рубищах стояли на деревянных крышках от снарядных ящиков.

Наркоз был эфирный, да ещё когда заканчивался морфий, раненный, которому вживую вырезали нутро, или ножовкой отпиливали ногу, орал что есть силы благим матом.

Чтобы удержать его от буйства и завершить экзекуцию, на подхвате стояли четверо дежурных бойцов, которые менялись каждые полчаса. Обхватив конечности страдальца скрученными бинтами, они цепко удерживали жертву и не позволяли вырваться.

Глушили это варварство водкой или спиртом.

Если раненый не умирал от болевого шока, то после расчлененки его выносили в общую массу «выздравливающих».

Других вариантов не было.

Рентгена тоже не было.

Чтобы найти осколок, хирургу надо было шарить в живом теле зондом, или пинцетом. Можно было и просто руками. Обмывать и дезинфицировать ладони не хватало времени. Поэтому, «и так сойдёт». Конвейер должен был работать бесперебойно, безостановочно.

Ящик за ящиком оттаскивали санитары из-под стола отрезанные человеческие руки, ноги, пальцы, кости, куски плоти, органы и кишки.

Закапывали все это хозяйство поблизости. В неглубокой выкопанной яме. Но грунтовые воды подпирали «запчасти» наружу. Так и торчали из-под земли человеческие конечности.

Зимой прогнивший «фарш», вроде бы, не ощущался на запах. Летом же, это была невыносимая вонь с обилием мух и всякой другой ползающей, летающей кровопитающейся дряни.

Санработники валились с ног от усталости.

У врачей руки покрывались коркой из высохшей крови. Пальцы с трудом удерживали медицинские инструменты, руки костенели от постоянного напряжения.

На лице докторов наблюдалась постоянная хроническая усталость, а глаза выражали безразличие к происходящему.

Непонятно, как выдерживали медработники по двадцать часов в сутки изо дня в день. До обмороков.

И, какой человек, сможет выдержать этот адский и самоотверженный труд?

Лекарств катастрофически не хватало.

Перевязочный материал шёл по несколько кругов использования. Бинты снимали с умерших людей, отстирывали, кипятили, а высохнуть им уже не приходилось. Беспрестанная сырость. Да и очередь из раненных солдат всюю подпирала на перевязку.

Всеми признавалась неэффективность лечения. В медсанбате только и делали, что отрезали, вырезали, зашивали. Когда врач смотрел на бойца, даже будучи здоровым, человек сразу скукоживался. Ему казалось, что вот-вот, прямо сейчас ему что-нибудь отрежут, ведь вся обстановка эскулапов располагала к этому.

Однако жажда жизни у людей была неистребима.

Но, при отсутствии самого необходимого смертность от сопутствующих ранам болезней была колоссальной. Клиническая картина раненных солдат, не вызывала оптимизма.

Выжить в бою, это было ещё не самым главным.

Ещё более героический поступок остаться в живых и уцелеть в медсанбате. Кровотечения, гангрена, сепсис, воспаление лёгких и инфекции толкали все новые и новые жертвы на край братской могилы.

Бывало, что после трёхдневного боя через дивизионный санбат проходило до тысячи раненных бойцов.

В таких случаях в воздухе постоянно витал тошнотворный тяжелый дух свежей крови.

Палаток не было. Накидок, тентов, одеял, покрывал, а тем более спальных мешков, соответственно, тоже.

Раненые бойцы притулившись, ждали своей участи прямо на земле. В лучшем случае, под навесом или на подстилке из веток.

Для сбора дерьма, каких-либо уток, специальных тазиков, ведерок или клеенок не было.

Раненые смиренно и безропотно лежали в лужах из смеси крови и испражнений, опять же своих, смешанных с соседскими. Со вчерашними и, уже протухшими, позавчерашними.

Измождённые и обессиленные бабушки, а то и молодухи из местных выгребали загаженную взвесь прямо из под лежащих раненных. Собранное и дурно пахнущее месиво выливали в соседнее болотце. Так и воняло оно по соседству. Зимой меньше, летом больше.

Резиновых перчаток у сестричек не было. И в жару, и в холод рукава ободранных халатов были постоянно закатаны.

От щелочи и постоянной влаги руки были в глубоких трещинах. Если внимательно приглядеться, в глубине раны можно было разглядеть розовое и живое человеческое мясо. Странное дело, но ужасные трещины у них не кровоточили.

Несомненно, простые русские бабы переносили невыносимые страдания. По своей остроте физическая боль не уступала боевому ранению. Но слез у героических женщин уже не было.

Они же все были матерями. Поэтому, мокрота появлялась на щеках от жалости к умирающему желторотому солдатику, зовущему маму.

Если не зима, вокруг медсанбата зловоние стояло невыносимое.

Зелёные мухи сносили свои личинки прямо в загноившиеся раны, или прямо на окровавленные бинты изуродованных и искалеченных бойцов. Через несколько часов неподвижного лежания черви уже ползали по телу солдата, заползая в ноздри, уши, приоткрытый рот.

Если вовремя их не смахивали, то черви начинали выедать глазницы покалеченного человека. Если боец был без сознания, опарыши выедали ему глаза в первую очередь. А там и до кровоизлияния в мозг было уже недалеко.

От чего преставился солдатик, никому уже было не интересно. Помер и помер, служивый. Закопают в общем погребальнике, вышлют домой похоронку и снимут с довольствия. На этом завершалась ратная история героя войны. Или не героя, кому какая разница. Вычеркнут из списков, спишут со счетов, зато у других шанс выжить в медсанбате появится.

Всех раненых людей санработники старались группировать по диагнозу ранения.

У ельничка могли лежать с ампутированными конечностями. Из них кровь сочилась не переставая. Многие так и умирали от потери крови.

Под орешником укладывали бойцов с брюшными ранами и упакованными в бинты, как в корсеты.

Далее на досках от ящиков располагались «позвоночные».

Поодаль, с забинтованными, как коконы, головами неподвижно покоились «черепно-мозговые»...

Большинство раненных солдат лежали на земле голыми. Разодранные штаны, гимнастерки санитары взрезали и выбрасывали без возможности восстановления. Исподнее шло сразу на бинты и тампоны.

Летом тяжёлых прикрывали каким либо тряпьем. Так и лежали они в зловонном смраде. В самой гуще кровососущих. Бедняги смиренно ожидали своей участи.

Зимой из одежды прикрыть их было возможно только шинелками. Тёплых землянок катастрофически не хватало. Вовнутрь заносить-выносить раненных и умирающих становилось большой проблемой.

А, впрочем, других вариантов выжить у них попросту не было.

...Где-то в конце мая 1942 года случился снег и землю подморозило. После боя раненных не успевали обрабатывать и сотни человек лежали на земле, на лёжках из лапника ели, на прошлогодней листве. Поутру большинство раненных окоченело насмерть.

В преддверии зимы 1942 года была предпринята еще одна попытка перерезать Рамушевский коридор. Войсковая операция была безуспешной.

Болото и лес, настил и дорога к передовой были покрыты снегом.

Раненым, с поля боя до дороги в медсанбат еще надо было добраться. Некоторых раненных, везли повозками, другие бойцы ковыляли сами. По инструкции, в теории на одного тяжёлого надо четверых здоровых. С ума, что ли сошли? В реальной жизни всё было наоборот.

Вот и тащили бойцы сами себя. С трудом волочили по сугробам и застывшей земле изувеченные и израненные тела с безжизненными конечностями. Частенько, просто на карачках.

В подавляющем большинстве своем раненные спасали себя сами. Других шансов судьба им не предоставила.

Кто-то уже в судорогах умирал в паре шагов от дорожной колеи. Бесчисленное количество трупов лежало на всех подходах к спасительной дороге, ведущей к медсанбату. Все искренне верили, что, если доберутся до заветного знахаря, то спасение будет неизбежным.

Так ли это было? Что-то сомневаюсь я шибко.

К концу дня это была уже не дорога, а окровавленное полотно трёхкилометровой длины, с окоченевшими трупами на обочине.

Раненому бойцу повезет, если с поля боя сразу отвезут в госпиталь. Но в полуторку входило всего четыре-пять тяжелых, а с подводами была вечная проблема.

В то же время, представьте себе на бездорожье многокилометровую колонну из санитарного транспорта. Сладенькая, беспомощная цель для немецких «Юнкерсов», не правда ли?

Поэтому тяжёлых санитарных складывали штабелями. Друг на друга.

А по ночам старались в бешеном темпе вывезти на подводах в госпиталь, в тыл. Подальше от передовой.

Если повезёт и силы ещё есть, выживут. Здесь-то по любому никаких условий и быстрый конец неизбежен.

Сами понимаете, что после таких садистских мук, отсев в медсанбате был катастрофически громадным.

Но это была страшная и неизбежная правда войны.

Зубная боль, если случалась, могла любого поднять в атаку и бросить на амбразуру дзота. Адские страдания выдержать было не возможно.

А способ лечения был всего один-единственный. Это удаление больного воспалённого зуба. Новокаина тогда не было.

Больные орали так, что шишки с деревьев сыпались. Если страдалец трепыхался и буянил уж слишком сильно, парочка дежурных служивых крепко-накрепко удерживали больного на стуле. Чтобы не рыпался. Ни-ни!

А для них самих, костоломов, сотка спирта от врачей-лечителей становилась не лишней.

Психологически лечить зуб было всё равно лучше нежели тебе без сожаления оттапали бы ногу.

Но для избранных командиров, говорят, можно было, и подлечить зубы.

Электричество подавал дизель при дивизионном санбате.

В отгороженном уголке перевязочной стояло кресло а-ля парикмахерская. Для стоматологов и цирюльников кресла делал один и тот же завод.

Как на допросе в НКВД автомобильная фара слепила прямо в глаза больному и выпаривала его вспотевший лоб.

А сама бормашина была создана на тракторном заводе с ремённой системой передач. Эта конструкция давала низкую скорость вращения бура и сильную вибрацию одновременно.

Сквозь витающий запах гноя и крови можно было сразу учуять запах горелой кости и палёного мяса с дымком. Из рта «счастливчика» можно было наблюдать курящийся парок. Это была микроскопическая костяная пыль, которая хочешь, не хочешь, а забивалась в ноздри больному.

Материал для пломб был недолговечным, изготовленным ещё по рецепту 19 века, поэтому пломба держалась всего-то несколько недель или месяцев. При удалении зубного нерва использовался мышьяк, тоже из 19-го века. Но больным «зубникам» от этой экзекуции было не легче.

Больной ноющий или зудящий зуб становился для солдата на войне настоящей проблемой, если не сказать больше. Трагедией! Смерти подобно, когда открывался свищ, неожиданно опухала надкостница или корень зуба срастался с костью челюсти. Опухоль разрезали снаружи, через щеку и долбили обычным, столярным зубилом. Обычным плотницким молотком. Долбили так, что за версту было слышно. Кстати, этим же самым «молотобойным» способом проводили и трепанацию черепа.

Однажды ранило взводного. Пришлось мне тащиться в санбатовскую палатку за картой двухкилометровой. Захожу, а там ор стоит невыносимый. Два амбала держат за спиной руки у сидящего на стуле бойца. В рот бедняге сбоку была вставлена фанерка, чтобы пасть свою не закрывал. А хирург, в свою очередь, попеременно то скальпелем, то ножницами с привязанной к их концам петлёй из нитки обычного троса подрезали в горле распухшие от воспаления гланды. Видимо, по случаю зацепили кровоток-из гортани вырвалась алая струя крови прямо на удерживающих горемыку бойцов. Чтобы не видеть страшную экзекуцию, я схватил лежащую на столе планшетку, рядом с банкой из-под тушёнки доверху набитой окурками и скорее дёрну из помещения. Будучи в шоке от увиденного кровавого зрелища, трясущимися руками я закурил с местными санитарами по козьей ножке. Те мне толково, обыденно объяснили, что

у солдата так и так не было никаких шансов избежать операции. Распухшие миндалины напрочь закрывали дыхательное горло и солдат мог, совершенно очевидно, умереть от удушья. Вот такая тривиальность на войне. Не от пули так от простуды можно было запросто откинуть кони.

От переднего края до медсанбата было далеко 3—5 километров, а кругом болото. Поэтому при ранении первую помощь санинструкторы оказывали здесь же, на передовой в блиндаже потеплее.

Да и что такое медсанбат? Там на 85 процентов работали врачи-хирурги. У них одно лечение: или вырезать, или отрезать. Но всё равно, при ранении других вариантов у нас не было.

С 1942 года началась эра антибиотиков, в СССР синтезировали пенициллин. Но на войне мы его так и не увидели. Приходилось лечиться дедовскими способами или народными средствами.

Не поверите, но на обширные и рваные раны накладывали хлопчатобумажную ткань, смоченную в растворе... обычной поваренной соли.

Раненные орали благим матом, но это поголовно помогало избежать гангрены. На третий-четвёртый день рана становилась чистой. Если у солдата был ещё перелом, тогда сразу после снятия солёной повязки раненную руку или ногу гипсовали и пациента отправляли по возможности в госпиталь. Нужна была всего одна чайная ложка соли на стакан кипячёной воды.

Солевая повязка обязательно должна была быть «дышащей». Солевым раствором поглощал жидкость из раны, оставляя нетронутыми эритроциты, лейкоциты и живые клетки крови и тканей.

Когда не хватало крови, солдатам переливали... морскую балтийскую воду, которую привозили в бочках. Процедура была популярной и действовала очень успешно, потому что крови не хватало всегда.

Солевым раствором морской воды содержал практически всю таблицу Менделеева и был близок по составу к человеческой крови.

Морская вода активизировала все человеческие процессы, протекающие в организме, укрепляла иммунитет и помогала ему бороться с возбудителями различных заболеваний.

Минералы в ней содержались в ионизированной форме, поэтому она оказывала ощелачивающее действие на организм, что положительно сказывалось на состоянии здоровья.

Однако, шутить с этим было нельзя. Процедура годилась лишь на очень короткое время.

Парафин применяли при отёках после ранений, при долго не проходящих язвах, при поражениях периферических нервов, при гнойных ранах и свежих переломах.

Методика была такова.

После обработки раны спиртом и йодом кисточкой наносили разогретый парафин. Сверху накладывали бинт, повязку, также пропитанные парафином. Это позволяло оказывать продолжительное и глубокое тепловое воздействие на кожу, мышцы и близко расположенные внутренние органы. Тепловые процедуры оказывали болеутоляющее и противовоспалительное действие.

Обречённые раненные скулили втихушку и с надеждой смотрели на необычную повязку. Врачи им втолковывали, что капилляры должны расшириться, улучшится кровообращение, активизируется обмен веществ, кости срастутся быстрее, а раненные нервы стянутся.

Раненым оставалось только верить и надеяться.

Разорванного, раненого бойца с болевым шоком укладывали так, чтобы голова была выше тела.

Здесь же на «передке» рану обезбаливали с помощью хлорэтила.

И только в санбате была возможность применить эфир и хлороформ.

В любом случае, это были садистские манипуляции. Часто со смертельным исходом. Но шанс остаться в живых всегда оставался.

Матросы из ленинградского пополнения принимали Балтийский чай, это специальный такой «окопный коктейль». Дурные навыки не забылись ещё у некоторых с Первой мировой войны и подавления мятежа в Кронштадте.

Могучая гремучая смесь спирта с «марафетом» (при наличии кокаина) давала возможность не спать сутками. Не зная усталости. Штурмовой роте без страха идти в атаку, штабисту сутками корпеть над картами, разведчикам накручивать по тылам противника километры. При его использовании практически не ощущалась боль.

Если «нюхара кокс» имелся в наличии, его, по возможности, использовали даже в качестве анестетика при хирургических вмешательствах.

По приказу командира, иногда, солдат поили отваром мухомора. Этот настой обладал возбуждающим действием на центральную нервную систему и помогал бороться с усталостью, страхом.

Перед боем для бодрости любые средства были хороши. А выживет ли солдат, далеко было не ясно.

Поговору с командирами, в санбате могли выдать концентрированные амфетамины. При наличии, неприкосновенный запас (НЗ) держали на «крайняк». Это разведчикам, танкистам, бронебойщикам.

Амфетамины вызывали прилив сил, повышали работоспособность, снимали усталость и повышали бдительность.

Но была и другая сторона медали.

После времени их действия терялся аппетит, учащалось дыхание, могла возникнуть депрессия, апатия с отягчающими последствиями. При наличии оружия, это было очень опасно.

От заразных венерических болезней в медсанбатовском ларьке среди прочих зелёнок, йодов и мазей предлагались УПРХИМПРОМовские презервативы. В пергаментной бумажной упаковке их находилось целых две штуки. А на титульной стороне пакетика было написано: «РСФСР. МОСОБЛСОВНАРХОЗ. БАКОВСКИЙ ЗАВОД РЕЗИНОВЫХ ИЗДЕЛИЙ. Ст. Баковка Калининской ж. д.».

Поговаривали, что высокое начальство могло себе позволить расслабиться при помощи трофейных итальянских изделий из тончайшего индийского батиста.

Триппер...

Случалась в наших рядах и любовная зараза. Гонорей (триппер) лечить народными средствами было бесполезно. Единственным спасением для солдата были антибиотики. Сами понимаете, они были на вес золота.

Наш старший военфельдшер воевал с этой «залётной» инфекцией достаточно просто. Вкалывал страдалицу в задницу пару кубиков молока. Дальше у закаченной в тело жидкости начиналось брожение. Температура у бойца поднималась до сорока и выше. При такой температуре тела никакие бактерии уже не могли выжить.

А на следующем этапе эскулап уже боролся и лечил сам гнойник на пятой точке. Достаточно изуверская метода, но других вариантов у нас не было.

Сифилис...

Если же определялся сифилитик, то его срочно забирали и выводили из всех видов довольствия. Это означало одно, что мы его больше никогда не увидим.

Поговаривали, что для таких больных были созданы спецлагеря. Там их уже никто не лечил. Для них был только один путь в штрафбат, или штурмовую роту на погибель.

Нет человека, нет болезни.

Однако, скажу вам, что...

Когда диагноз «сифилис» был налицо и становился приговором, пройдохи от медицины предлагали достаточно «мутную» панацею. Не за просто так, конечно же. Весьма эффективный способ лечения был парами ртути!

В этом случае на голову несчастного страдальца надевался герметичный колпак, под который запускалось «лекарство».

Сифилис излечивался моментально.

Другое дело, сколь долго жили пациенты после такого «лечения»? Об этом «врачи» умалчивали.

В то время все жили от приказа до приказа.

От боя до боя.

От атаки до атаки.

...Утром стали поступать раненные. Их размещали на открытой поляне. Просто на сырой осенней земле. Санитары подбрасывали под неподвижные тела лапники хвойника. Кому-то везло больше. В лучшем случае, их размещали на носилках.

Врачей не было видно и перевязками, никто не занимался.

На краю поляны в деревянной заимке стоял шум, гам и хохот. Это начальник медсанбата, полковой комиссар и некоторые избранные врачи мертвецки пьяные отмечали праздник революции.

Перед ними стояло ведро спирта. Эти залившие шары, ужравшиеся в дупель животные ничего не в состоянии были воспринимать, а тем более правильно организовать работу медсанбата.

Пилот фашистского «Мессершмитта-110», разглядевший среди деревьев раненых красноармейцев, прилетал трижды на дню. Видимо, выполнив лётное задание, летчик развлекался для себя. Жизни радовался, подлец.

«На бреющем полёте, он высовывался из фонаря кабины и строчил вниз из автомата. Было видно, что магазин для патронов круглый.

Лётчик куражился, смеялся и убивал раненых из нашего же автомата ППШ.

Но к вечеру сильно похолодало, и пошёл сильный дождь. Вода из болота подтопила поляну, образовались глубокие лужи.

Выжившие после обстрела немецким лётчиком раненые захлёбывались и умирали от переохлаждения. Тихо и не заметно. Молча, вздрагивали, вытягивались и замерзали. А до спасения им было рукой подать.

Рядышком оно было, спасение и, возможно, жизнь. Только была она сегодня к ним равнодушной, безразличной и беспощадно пьяной.

А через месяц, командир медсанбата был награждён орденом «За отличную работу и заботу о раненых».

Приказ о награждении подписал и представил в штаб дивизии полковой комиссар, коммунист Лукьянов.

Нечто обыденно-ужасное с окрасом фронтового аффекта

Из воспоминаний моего отца.

В декабре 1941 года я с отличием закончил Пензенское артучилище с присвоением звания «лейтенант» и убыл в распоряжение Уральского военного округа в город Чебаркуль. Здесь как раз происходило второе формирование 166-й стрелковой дивизии.

Напомню читателю, что 166-я стрелковая дивизия 1-го формирования под командованием полковника Алексея Назаровича Холзинева (1899—1941) была происхождением из Томска.

В 1941 году сибиряки спасли Россию под Смоленском и Вязьмой при этом почти все погибли, утратив дивизионные штандарты.

Из 14 тысяч человек дивизии к 15 декабря 1941 года из Вяземского котла вышли из окружения всего 517 солдат и командиров, собранных со всех окружённых частей других воинских формирований.

Красноармейцев из 166 дивизии было не более 200 человек.

Тогда, 166-я стрелковая дивизия по штабным документам прекратила своё существование.

Но 22 ноября 1941 года в городе Чебаркуль Челябинской области на базе 437-й стрелковой дивизии Уральского военного округа началось новое, уже второе её формирование.

Командовал организацией дивизии генерал-майор Фёдор Михайлович Щекотский, а комиссарами были Н. С. Лесь и М. Е. Самарин, начальником штаба полковник А. И. Попов.

Я был направлен в ряды уже новой, вновь формирувавшейся дивизии. Меня назначили заместителем командира миномётной батареи 517-го стрелкового полка.

Командиром полка был подполковник Д. Я. Прошин.

С 16-го февраля по 15-е апреля 1942 года 166-я стрелковая дивизия по железной дороге через Москву и станцию Бологое была переброшена в Ярославскую область, на станцию Любим.

Её позиция была закреплена за Ставкой ВГК.

Затем, в срочном порядке все части дивизии перебросили в район города Осташков и Чёрный Дор.

Именно там 166-я стрелковая дивизия вошла в подчинение 53-й армии Северо-Западного фронта под началом генерал-лейтенанта Е. П. Журавлёва.

На тот момент было мне 18 лет.

...При выгрузке из эшелонов дивизия подверглась сильнейшей бомбардировке с воздуха. Особо пострадали 735-й и наш, 517-й полк. Немцы засекли продвижение частей дивизии и, в дальнейшем, беспрестанно мучили бомбоштурмовыми ударами их «певуны», «Юнкерсы».

Наша стрелковая дивизия в 14 тысяч человек личного состава со своими тремя стрелковыми полками, с артиллерией, обозами, санитарной частью и тылами двинулась в сторону фронта.

Казалось, что лес и окружающее вязкое пространство пришли в движение. В округе всё шевелилось, двигалось, роптало, гудело, шелестело. Воздух стал плотным от неожиданного рокота, тяжёлым и мутным в своём восприятии.

Дивизия практически не делала остановок на своём пути. У некоторых машин вода вскипала в радиаторах, моторы грелись, но их никто не ждал. Починятся и сами догонят. Правда, если повезёт разыскать своих.

Тяжёлые пушки тащили тракторами ЧТЗ (Челябинский тракторный завод), которые ещё вчера были задействованы в сельском хозяйстве, а сегодня исправно служили фронту.

Но у этих гражданских тракторов часто рвались гусеницы, из строя выходила ходовая часть. Те, у которых заклинило двигатель бросали прямо на обочине дороги. Мудохаться с ними было некогда, потому что средняя скорость их движения итак была не велика, где-то 4 километра в час.

Привалы, остановки были очень короткими. Люди едва успевали оправиться, глотнуть водички, стряхнуть налипшую грязь с ног, как уже звучала команда

– Строиться!

И снова вперёд к намеченной цели.

Лица, одежда солдат, стальные каски, стволы орудий, крупы лошадей, двуколки, подводы, закрытые чехлами пулемёты «максим», наши миномёты, машины, противотанковые ружья, ящики с боеприпасами- всё было покрыто влажной каплей.

Влага была везде. В ноздрях, ушах и даже приходилось вместо слез воду с бровей стряхивать.

От разгорячённых спин шёл пар, а отсыревшие в карманах спички не загорались.

Вся территория, по которой мы двигались, была покрыта в основном лесами и болотами. Она была абсолютно недоступна для транспорта и тем самым непригодна для ведения боевых действий. Состояние дорог лишь в незначительной степени отвечало военным требованиям и то лишь на ближайших подступах к крупным населённым пунктам, да на возвышенностях.

Кроме того, даже если попадалась железнодорожная линия, то это совсем не означало, что параллельно ей будет проходить и автодорога.

Из-за болот, постоянно встречавшимися на пути, обходными манёврами двигаться было невозможно.

Поэтому далее по грунтовым, просёлочным, полевым дорогам, лесам, болотам и между озёр дивизия пробивалась к месту сосредоточения расположенного в Новгородской области южнее Демянска. Именно пробивалась. Да ещё и героически.

Стадные инстинкты массового движения захватывали всех. Ездовых, водителей, артиллеристов, штабных работников, санитарные повозки, полевые кухни и даже штрафников охватил азарт скоротечности и стремительности продвижения.

Все торопились. На убой?

... Однажды самолёты выскочили из-за верхушек деревьев совершенно неожиданно. Противный вой бомбардировщиков разрывал барабанные перепонки. Ужасной силы взрывы грохотали повсюду. Возникало ощущение, что каждая первая бомба попадёт именно в тебя и разорвёт на кусочки.

Я успел прыгнуть в неглубокую ложбинку, когда раздался оглушающий грохот. Над головой ярким пламенем брызнула вспышка адского восторга. От детонации дыбом встала земная твердь, всё пространство вокруг меня сотрясало от обезумевшего воздуха.

Грохот в ушах был плотным, как сама земля. Взрыв был ужасающей силы.

Наступила кромешная темнота.

Но солдаты откопали меня быстро. Очень сильно болела голова, и тошнило до блевотины. Не имея сил подняться, я сидел на сыром пенёчке, мотал гудящей головой, а Петруха пермский, балагур и весельчак из 1-го взвода всё приговаривал

– Не ссы, полководец! Я сказал же, что жить точно будешь! Вот отыгаешься и веселее на душе станет. Ты сунь, сунь два пальца в глотку. Я после браги, да перепою в деревне всегда так делал.

У меня никак не получалось стоять на ногах. «Болтало» из стороны в сторону. Но я был молодым, сильным и в медсанбат не пошёл. Просто совесть не позволяла «выпендриваться», когда страдали и другие такие же люди, раненные солдаты.

По всей округе, кругом валялись брошенные и разбитые телеги, двуколки. Кое-где горели машины. Ветра не было, поэтому вонь от чадающей резины стояла невыносимая. У одного

гаубичного орудия развернуло станину и её никак не удавалось закрепить к тяге трактора. Получалось, что она перегородила дорогу. Наконец-то общими усилиями роты, под дружные возгласы «раз-два взяли» её выволокли на обочину. На скукоженной траве, где-то с краю от середины колонны валялось много убитых красноармейцев. Они лежали, как скошенная трава. На глазах бредущих людей, по приказу начальника хозяйства бывалые ребята с трупов стали снимать обмотки, тяжёлые кованые ботинки, защитные рубахи. Шинельки да шапки складывались отдельной горой. Штрафники не комплексовали и особо не сентиментальничали, церемониться было не с руки, приказ выполняли. Даже обильно залитая кровью одежда сдиралась с тел. Получалось, что мертвецы раздевались донага. Всё равно их удел был решён, поблизости уже зияла раскуроченным зевом большая братская могила. А полковые прачки по любому окровавленную одежду отстирают на постое. Сами понимаете, что служила она два, а то и три круга использования.

Возле кустов боярышника распластался убитый майор. На широко раскинутых ногах у него блестели яловые сапоги, а галифе были непривычно синего цвета. Фуражка с голубым верхом утонула в луже. Неподдалёку лежала его тяжелораненая лошадь рыже-чёрной масти с оторванной ногой. Штрафники быстро сняли с неё подпругу, старенькое седло с выкрашенным опять же в синий цвет ленчиком. Один из них схватил за гриву хрипящую кобылу, другой полоснул ножом. По цепочке передали команду, чтобы подтянулись служивые из полевой кухни. Это была их добыча. Не пропадать же добру. Некоторые солдаты от увиденной трагедии плакали, на ходу утирая слёзы рукавами шинелок.

В санбате случилась своя трагедия. Взрывной волной швырнуло о ствол вековой сосны молоденькую сестричку. Валюшу-одуванчика. Её смуглое молодое лицо не потеряло своей красоты и впрядверии смерти. Под красивыми, выгнутыми дугой бровями поблёскивали ещё живые полузакрытые глаза. Губы были пухлые и сочные, но их красоту оценить было уже невозможно, потому как из горла пузырями вываливались сгустки крови. Было件нятно, что от удара ей переломило позвоночник. Жемчужины зубов ещё были видны в суспензии, а слипшиеся пряди волос прикрывали враз побледневшую, припухлую щёку. Страшно было видеть, что и на эту недавно ещё живую и, казалось бы, вечную красоту, смерть уже наложила свой отпечаток. До слёз было жаль красивую дивчину.

Отбомбившись, вражеские самолёты улетели. Нескончаемые колонны красноармейцев пошли дальше, а я стал догонять своих.

Меня всё равно немного «качало», но постепенно я «разошёлся».

Продвигались мы очень медленно, и у меня сложилось понимание того, что мы совершенно не имеем представление о силах противника. Где-то там у них была крепкая оборона. Там. Достаточно скудно и всё.

Но мы всё шли и шли в том направлении, где должен был находиться наш враг. Беспощадный, бескомпромиссный и кровожадный.

Прилегающие к шоссе дороги были забиты людьми, лошадьми, техникой. Всё было подчинено одной цели, как можно скорее достичь намеченного рубежа.

Создавалось впечатление, что это ползёт громадное живое существо, и метр за метром подминает под себя расквашенную дорогу, ругается, матерится, горлопанит и ёрничает над неумехами, разбрызгивает жирный и жидкий, как взвесь чернозём по всей округе.

От лошадей, закипевших моторов, с мокрых спин красноармейцев, из носоглоток людей идущих к своему краю стелился густой пар. Там, где лес обжимал дорогу вплотную и не было ветра столб марева не позволял разглядеть колонну впереди идущих далее двух повозок.

Тем временем с неба стал падать противный сырой снег с дождём. Дорожная грязь, перемолотая тысячами сапог, сотнями колёс и гусениц, противно чавкала. Колонны двигались крайне медленно.

Паршивая погода в здешних местах была не редкостью. Она случалась в январе, феврале и марте. Большинство дней бывали облачными. Осадки были регулярными в виде снега и дождя. Жесточайшие морозы до минус тридцати сменялись оттепелями с устойчивыми туманами.

А с неба всё сеял и сеял мелкий холодный то ли снег, то ли лёд с дождём. Видимо, сюда доставали ветры с Балтики. Сырая промозглая бездонность неба опрокидывала на наши головы ушаты генерированной воды. Промозглая мгла оседала и на дорогу, на траву, на деревья. В воздухе пахло не просто влагой, казалось, что мы даже дышим водой.

В таких случаях обмундирование набухало в два счёта. Шинель стала тяжелой и торчала колом, будучи насквозь пропитана влагой. Сырость проникала и за ворот шинели.

А сам вещмешок, наш штатный сидор утяжелялся в разы.

Ноги увязали в грязи и люди вытаскивали их с совершеннейшим трудом. Колёса телег временами утопали по самую ось во взвешенную мерзкую грязь.

Видимость была ограниченной.

Хуже такой мерзопакостной погоды, пожалуй, никогда и не было.

А у меня по-прежнему страшно ныла контуженая голова.

На одну из наших миномётных повозок пехота загрузила штатный станковый пулемёт «Максим» с боекомплектом. Пулемётчик Закиров уселся рядом и стал жевать сухарь.

На марше к нему подскочил злой и пьяный офицер с одной шпалой в петлице. Капитан. Затем он подошёл второй раз. Третий.

Шайтан Закиров, как сидел, тупо жуя свой несчастный сухарь, так и продолжал бездействовать.

В следующий раз офицер подошёл к пулемётчику со спины и со всего маху ударил его рукоятью своего «ТТ» прямо в висок.

Закиров мешком вывалился из повозки и без движения замер на обочине.

Мимо распластавшегося в полужидком чернозёме тела двигались сотни и сотни сапог. Тысячи людей проходили мимо. Конца краю людскому перемещению не было видно.

Понятно, что на марше никто расследовать происшествие, конечно же, не станет. Люди шли и шли. Кому, какое дело будет до кровоподтека на грязной роже солдата, пулемётчика и шайтана по-совместительству, Закирова.

Помер и помер. Закопают, и из списков вон вычеркнут, по убытию.

Где-то в хвосте колонн тащилась и гауптвахта. Мы-то знали, что для штрафников появилась работа. Без суда и следствия, быстренько прикопать на обочине труп шайтана Закирова. Орёлики там ещё те содержались. Да и кто откажется от дармовых ста грамм за землеройный труд.

Мерзавец, молоденький, пьяный и борзой офицерик, сволочь. Капитан ещё не обстрелянный в боях. Он совершенно не предполагал о причинах инфантильности контуженного в прошлом, поэтому и слегка глуховатого пулемётчика Закирова.

А сложность перезарядки штатного «Максима» была в том, что его боекомплект, металлические коробки с запасными лентами от постоянной сырости протекали. Брезентовые ленты во время дождя, от снега, грязи намокали и набухали. Поэтому, обслуживание «станкача» требовало немалого труда и времени, чтобы в течение боя его случайно не заклинило.

На марше задачу по очистке брезентовых лент от грязи и влаги выполнить было крайне сложно, если не сказать, что невозможно.

Рядовой Закиров не слышал приказов капитана и просто тупо ждал привала. Конечно же, он был обязан выполнить обычную, нудную, рутинную и привычную для себя работу пулемётчика.

Но для него в этот раз не сложилось.

Ночевали мы прямо в лесу у разоженных костров. А речушки преодолевали по деревянным, наспех сооруженным сапёрами мосткам.

Во время движения колонн погода абсолютно не менялась. Сырость и вся дорожная мерзость просто достали.

Поступила команда, что строжайше запрещено с дороги на обочину. Даже по большой нужде. На этом участке движения кругом были мины.

Я уселся поудобнее в свою штатную двуколку, накрылся лошадиной попоной и вздремнул «про запас». Проснулся и понял, что уже долго стоим на месте.

Привстав на облучок, увидел, что голова колонны стояла на большой поляне у перекрёстка дорог. Дорога направо была перекрыта шлагбаумом из еловой жерди с надписью «Мінен», а налево была полностью заросшая бурьяном. Скорее всего, ею давно не пользовались.

Группа офицеров на перекрёстке о чём-то спорила. Неподдалёку согнулся и осторожно что-то копал сапёр. На вытянутых руках он отнёс в сторону мину в деревянном корпусе, пролежавшую здесь с 1941 года. Стало понятно, что обходной дороги не будет, а старые советские мины надо будет просто взрывать.

Кто-то, кому-то стал возражать. Между старшими офицерами разгорелся ожесточённый спор.

Завидев меня, полковой инженер махнул рукой, приглашая подойти. Я спрыгнул с двуколки и поскользнулся в грязной придорожной жиже, упав боком на плащ-палатку.

Не успев подняться, я увидел сполох сильного взрыва над группой людей, на совещание которых меня приглашали. Гимнастёрка моя от взрыва прилипла к телу, а поток горячего воздуха обдал лицо, разгорячённое после сна. Лошади засучили ногами и заржали от испуга.

Оглядев своих батарейцев, я пришёл к выводу, что на этот раз от смертушки «пронесло». Значит, не судьба была погибнуть нам и в этот раз.

Но на перекрёстке в клочья разорвало замкомполка подполковника Кожухова. Погиб начштаба полка капитан Ванюшев и полковой инженер Каплун. Замполит подполковник Сарычев получил сильнейшую контузию и лежал поодаль без движения. Красноармеец – сапёр Голубков исчез. Его так и не нашли. Видимо разорвало на слишком мелкие кусочки.

Подошедшие офицеры – сапёры установили, что в руках у солдата взорвался советский противотанковый фугас.

Страшная и безысходная это штука, судьба.

Когда распогодилось, в небе опять завывали «Юнкерсы». Ближе к вечеру ездовой Ефим Лопырев не успел угнать повозку в лес. Бомба грохнула поблизости и ему, прямо сзади в шею воткнулся крупный осколок.

Окровавленный он лежал на жухлой лесной траве лицом вниз.

Немецкие самолёты уже улетели, а мы сгрудились рядом и обсуждали, чем можно было помочь ездовому.

Ефим был в сознании и попросил водки.

Солдаты с осторожностью повернули его голову набок. И мы стали заливать ему водку из горлышка бутылки прямо в глотку через свёрнутый в трубочку сухостойный лист.

К этому времени уже подбежала молоденькая военфельдшер. В санитарной сумке у неё были перевязочные пакеты и, почему-то, пинцет. Я приказал ей

– Тяни осколок руками! Вытаскивай!

Военфельдшер, Анечка Копотева, по началу, пыталась протестовать и, даже, всплакнула немножко. Боялась. Мне пришлось силой посадить её на корточки и гаркнуть Аньке прямо в лицо. Она вздрогнула и начала шевелиться.

Ефим видимо захмелел, начал мычать. Но, ему было больно и он стал сучить каблуками сапог друг о дружку. Однако, бойцы нещадно распластали тело раненного на земле и встали

коленками на его разбросанные руки. Зафиксировали. Ефрейтор Сапожников встал на колени таким образом, чтобы зажать голову.

Подрезав мышцы шеи почти до основания черепа протянутым перочинным ножом, девушка рукой потихоньку вытянула из мяса ездового металлический «пропеллер». Все ожидали, что брызнет фонтан крови. Но этого не последовало. И слава богу. Несколькими стежками суровой хирургической нити, что нашлась в сумке она стянула рану и наложила толстый тампон, обтянув шею свеженьким марлевым бинтом.

Все облегчённо вздохнули.

А Ефим всё безудержно матерился. Ему не перечили, только смахнули грязной и выброшенной кем-то тряпкой кровь с шинелки. Аккуратно уложили на живот в повозку. Обоз двинулся дальше. Было видно, что ездового нещадно болтало от края к краю повозки. Госпитали поблизости не было. Все медики были в далеко отставшем хвосте колонн. Мы же шли по своей территории, по родной земле и ничего, вроде, беды не предвещало. Смог ли пережить ездовой Лопырев в дальнейшем эту дорожную трясучку, мне было неизвестно.

Мимо нас с трудом волоча ноги, в полной боевой выкладке и трехлинейкой с примкнутым штыком в руках то ли бежал, то ли кое-как убыстрялся боец из роты связи, часть которой шла впереди колонн с командирами. Видимо выпнули его по состоянию здоровья из санчасти. Якобы, выздоровел. Вот и догонял своих, страдалец. Если отстанет, иначе могли «пришить» дезертирство и расстрелять. Глядя на него, я засомневался, что он в состоянии не то что добежать, а добрести или доползти до своей роты.

Для безопасности продвижения дивизии, в порядке очерёдности вперёд за несколько километров выдвигалась стрелковая рота и занимала на рокадном направлении движения дивизии стратегический плацдарм. Это нужно было делать обязательно, потому что фрицы могли выставить на пути нашего следования засаду.

Для прикрытия арьергарда вперёд выдвигалась миномётный взвод. В конце-концов наступила и наша очередь занимать передовые контрольные точки, указанные штабным начальством. Так как мы двигались из тыла, поэтому гужевым транспортом были обеспечены, пока, хорошо. Быстро добрались до намеченных координат и стали осваивать на лесной лужайке строго отведённую позицию. Как обычно, лошадей отвели в лес, а сами миномёты установили по опушке. Получалось, что по просеке удавалось просматривать чуть ли не километр дороги.

Всё бы ничего, но вдруг, издалека стала слышна приглушённая лесом трескотня мотоциклов. Минут через пять стал явственно прослушиваться утробный низкий звук немецких БМВшных мотоциклов.

Вдруг, на поляну со всей дурной скоростью вылетело три мотоцикла. В каждом из них находились немцы. Они громко хохотали, жестикулировали руками, а некоторые, даже, подвывали знаменитый немецкий марш Хорста Весселя.

Я сразу понял, что фашисты были пьяные.

По взмаху руки, наша засада ударила из глухого подосинника прицельно залпом. Первые же мины легли точно и накрыли цели. Водители-мотоциклисты вывалились из своих сёдел, пехота из колясок. Один мотоцикл перевернулся. Последний въехал в коляску другого. Как горох, немцы попадали в густое лесное разнотравье.

Бойцы, без всякой команды открыли огонь из своих трёхлинейек на поражение. Через пару минут всё было кончено.

Но двое фрицев, подняв руки, тряслись возле разваленной ели. Ни слова не говоря, в их направлении двинулся Витька Сорокин, подносчик мин. Рядовой из Смоленска. Ходом, не доходя до противника, он одел на ствол своей мосинки штык.

Не сбавляя темпа шага, как на учениях, он сблизился и воткнул пику клинка в грудь впереди стоящего фашиста. Второй упал на колени и завыл о пощаде.

Упёршись своим керзачём в грудь нанизанного фашиста Витька стряхнул обвисшее тело убитого немца и со всего маху воткнул освободившийся штык в шею стоящего на коленях фрица.

Мы онемели от происходящего.

Но никто не шелохнулся и не двинулся с места. Все знали о Витькиной трагедии, случившейся с его семьёй в оккупации. Поэтому и не мешали. А Витёк просто мстил беспощадному врагу за своих убиенных родственников-отца и мать, сестрёнку.

После этой стычки я подробным образом составил рапорт, не забыв упомянуть, что гитлеровцы предприняли попытку сбежать в лес, вследствие чего были заколоты штыками. А красноармейца Сорокина, предложил наградить медалью «За отвагу».

Через полчаса рапорт был сдан в штаб батальона, а у меня до самой ночи мелкой дрожью тряслись руки. Только я своим бойцам не показывал вида, чтобы те не признали своего взводного трусом.

Каждый батальон сопровождала походная кухня на колёсах и о двух котлах. По пути она нещадно дымила и распространяла вкусные запахи.

Мародёрством солдаты под страхом расстрела на марше не занимались.

В проплывающих мимо нас деревнях зампотылу как-то умудрялся договариваться с председателями колхозов и старостами. В ту нелёгкую годину уже и такие появлялись, деревенским хозяйством-то всё равно надо было руководить при любой власти. Мы получали картошку, капусту, печёный хлеб, а иногда и мясо.

За продукты интенданты рассчитывались деньгами, полученными в полевой кассе. Ведь она в своих сейфах перевозила очень большие тщи советских рубликов, солдатских денежек. Никто из деревенских в оккупацию не собирался, фрицев не ждал и советские дензнаки местный люд принимал с большим удовольствием.

К моему великому сожалению, на войне я потерял много друзей, знакомых, просто хороших людей. Но, горечь потерь никогда не оставляла равнодушным. Пожалуй, в судьбе каждого из нас война оставила глубокий трагический след.

До слёз обидно было осознавать, что фронтовые друзья погибали и в глубоком тылу, а не на передовой.

Случалось, что боевые товарищи умирали под бомбёжками, под колёсами и гусеницами своей же техники. Или будучи «приговорёнными» командирами-самодурами и по несчастному случаю или от случайного, неосторожного выстрела от напарника при чистке оружия. Война всё спишет.

...К тому времени «передок» покидала основательно потрёпанная в боях 23 стрелковая дивизия. Таким образом, наша 166 стрелковая дивизия заняла ею оставленные позиции. За нами был закреплён рубеж в районе деревень Молвотицы, Бель-1, Бель-2, Кулотино, Куше-лево, Копылово, Городково.

На этом плацдарме и выкашивалось впоследствии в безрезультатных, кровавых и бесполезных атаках уже второе формирование вновь возрождённой 166 стрелковой дивизии. С одной стороны бойцы Родину защищали, а по-житейски не повезло им. Ох, как не повезло с местом дислокации. Угодили в ад крошечный.

С 4 по 11 февраля 1943 года дивизия входила в 1 ударную (!) армию этого же фронта.

А с 11 февраля в составе 53 и 68 армий она участвовала в Демянской наступательной операции.

Первой из войск 53 армии она с жестокими боями прорвала оборону сильнейшего укрепления противника и вынудила его к отходу от реки Ловать.

Наша героическая 166 стрелковая дивизия продвинулась вперёд на 15—20 километров и заняла населённые пункты Берёзки, Бычиху, Залучье, Гордево, Куки и вышла к Рамушевскому коридору.

Это было нечто!

Немцы были выбиты с насиженных позиций, которые они считали неприступными. Рубеж реки Ловать, Рамушевский котёл для них были судьбоносными. Уступив позиции гитлеровцы практически открыли дорогу к освобождению Старой Руссы, от которой открывалась прямая дорога к деблокаде Ленинграда.

С 9 марта наша дивизия храбро сражалась и перешла в наступление на рубеже Липино и Селяха в районе Старой Руссы вдоль реки Ловать.

Но полки её были совершенно обескровлены, а личный состав почти полностью выбит. Воевать было уже совершенно нечем и нечем.

Поэтому 3 апреля 1943 года дивизия была выведена в резерв фронта.

Затем в районе Пенно вошла в состав 27-й армии резерва Ставки ВГК (Верховного Главнокомандования).

В этих беспощадных боях я был тяжело ранен и был отправлен в госпиталь, а сама дивизия после боёв под Демянском в дальнейшем убыла под Курск.

Далее она наматывала фронтовые километры на Харьков.

Следующим этапом перебралась в Прибалтику и закончила войну в Вильнюсе.

А лично для меня после ранения случилась совсем другая история. Но об этом расскажу в другом повествовании.

166 стрелковая дивизия, 517 стрелковый полк, 2 миномётная рота.

*Командир 3 миномётного взвода, лейтенант Иван Петрович Щербаков
(1923 г.р.)*

Трагедия, кошмар и ужас фронтовой повседневности

Узнав о начале войны в июне 1941-го, долго не раздумывая, я добровольцем ушел в Красную Армию.

Тогда было мне всего 17 лет.

С отличием закончил артучилище в Пензе и в 18 лет был направлен на Северо—Западный фронт.

Приказом по 58-й армии я, лейтенант Щербаков Иван Петрович в феврале был назначен заместителем, а в апреле 1942 года командиром минометного взвода 517 стрелкового полка 166 стрелковой дивизии.

С 16 февраля по 15 апреля 1942 года дивизия по железной дороге была переброшена в г. Любим Ярославской области, и находилась в резерве Ставки ВГК.

Затем убыла в район Осташков, где вошла в подчинение 53-й армии Северо-Западного фронта.

Участок обороны Северо-Западного фронта проходил от озера Ильмень до озера Селигер в Новгородской области.

Это болотистый край заливных лугов длиной в 200 километров.

Здесь наши части приняли от 23-й стрелковой дивизии полосу обороны в районе д. Молвотицы и до февраля 1943 г. вели ожесточённые позиционные бои.

Место противостояния, Новгородская область, сильно заболоченный край. Это гиблые места сами по себе. А когда в болотах, на опушках леса, на просёлках и по краям дорог белело множество человеческих костей, обглоданных черепов, то и вовсе становилось жутковато.

В общем, места были нелюдимые, глухие с сатанинским сероводородным духом от которого першило в горле, и кружилась голова.

Наши командиры говорили, что это местность, где Господь забыл разделить небо и землю.

Информация из центральных источников до нас доходила в последнюю очередь. Быстрее сарафанное радио весточку принесёт, чем из официальных московских рупоров услышишь. Поэтому мы, как бы отвечали сами за себя в смрадном окружении сжиженного метана. Что там и где там происходило слышали только из уст комиссаров да политруков. Но крестьянские беспаспортные и раскулаченные мужики им не особо-то и доверяли. А попросту не верили в их коммунистические байки. Что там с их мировым коммунизмом случится, ещё совсем непонятно было, а вот задача уцелеть здесь и сейчас стояла на кону архисложная и отчасти невыполнимая вовсе.

О блокаде Ленинграда страна узнала только в начале 1942 года, когда из него началось массовое бегство населения, панический исход старых да малых.

Политработники по этому поводу, порядком нам надоели, вправляя мозги и обещая скорую победу.

Лето-осень 1942 года наша дивизия, как и весь фронт, страдала от проливных дождей. Условия боевых действий, впрочем, на войне это обычное состояние, были очень суровыми.

Как было дело, расскажу без всяких прикрас.

Дорога на Руси всегда существовала своей, обособленной жизнью.

В войну эта разница миров была просто бездонна как пропасть.

На фронтовых дорогах царил хаос. «... Три трактора растаскивали застрявшую технику. Кто наглее, тот и владел тракторами, заботясь только о собственном благополучии и с отвращением к себе подобным. Наезжают, давят, ненавидят друг друга, становясь непримиримыми врагами...»

Души людей зачерствели.

Посреди перекрёстка лежал на животе труп толстого немца. Штаны у него были спущены, а в задницу воткнут на деревянном осиновом древке красный флажок. От сильного ветра упругая вица прогибалась и плавно покачивалась туда-сюда, словно приветствуя проходящих мимо людей. Казалось бы, верха цинизма этой сцене не было, а с другой стороны веселило. И немчура не такой уж бессмертной казалась. Другие фрицы и части их тел висели на деревьях, заброшенные туда взрывами от снарядов.

А на обочине вешали русского старосту-мужичонку в старом армяке, потрёпанного и равнодушного ко всему происходящему. Он уже смирился со своей участью, хотя избирали его на сходе односельчане и служил крестьянский сын на должности для их же благоприятного жития. Только кому это сейчас докажешь. Война.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.